

ИМПУЛС «ШТОРМА»

Ирина Васильева.

Ирина Васильева
Импульс «Шторма».

«Автор»

2026

Васильева И.

Импульс «Шторма». / И. Васильева — «Автор», 2026

В сонном приморском городке, где главная мечта — уехать в столицу, пятеро подростков собирают команду, чтобы покорить главный танцевальный фестиваль страны. Матвей — идеалист с мечтой о совершенном танце. Кир — уличный боец, чья ярость не знает границ. Соня — балерина, ищущая свободу от академических оков. Лера — хрупкая душа, танцующая свои страхи. И Макс — прагматик, отвечающий за музыку и реальность. Их стили — это хаос: брейк-данс сталкивается с балетом, а чистая эмоция — с техничной пластикой. Путь к мечте — это не только изнурительные репетиции. Это поиск денег на билеты через дерзкий флешмоб на набережной, преодоление страха перед родителями и жестокая психологическая атака со стороны главных соперников — столичной команды «Глитч», для которых они всего лишь «провинциальный мусор». «Импульс Шторма» — это история о том, как пять разных стихий находят свой пульс, чтобы стать единым целым.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Пульс.	5
Часть I. Зарождение. Точка отсчёта.	11
Глава 1. Знакомство с командой.	11
Подглава 1.1. Пять стихий: Истории, страхи и мотивация.	23
Глава 2. Формирование цели.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Импульс «Шторма».

Пролог: Пульс.

Соль. Она была везде. Вкус на губах, когда ветер с моря менял направление. Запах в воздухе, густой и влажный, который не могли перебить даже выхлопные газы редких машин. И, конечно, звук — вечный, монотонный гул прибоя, похожий на дыхание спящего гиганта. Матвей сидел на краю старого бетонного волнореза, свесив ноги над беспокойной водой. Октябрьский вечер выдался промозглым, но он не чувствовал холода. В его наушниках, подключенных к старенькому, заляпанному смартфону, бился чужой ритм.

На экране разворачивалась битва. Не уличная потасовка, а священная война за право называться лучшими. Финал главного столичного баттла года. Сцена была залита неоновым светом, прожекторы выхватывали из темноты фигуры,двигающиеся так, словно законы физики на них не распространялись. Воздух в зале, казалось, можно было резать ножом — настолько он был наэлектризован энергией сотен людей.

Матвей смотрел не на победителя. Он смотрел на команду «Глитч». Их выступление было безупречным. Идеальная геометрия, отточенная до автоматизма синхронность, сложные

акробатические связки. Это был танец-машина, холодный, выверенный, без единой ошибки. Они были похожи на андроидов из фантастического фильма — совершенных, но лишенных чего-то главного.

Он остановил видео и перемотал назад, к моменту выхода их соперников в полуфинале. Команда «Пульс». Их стиль был другим. Полная противоположность. Хаос, возведенный в абсолют. Резкие, рваные движения хип-хопа сменялись плавной, текучей волной контемпорари, а затем вдруг взрывались бешеной каруселью брейк-данса. В их танце была история. Была боль, была радость, был вызов. Они не просто двигались под музыку — они сами *были* музыкой.

Матвей снял наушники и вслушался в реальность. Реальность отвечала ему шумом волн и далеким гудком одинокого сухогруза, входящего в порт. Он находился за тысячи километров от той сцены, от того света софитов и бешеного ритма мегаполиса. Здесь, в их приморском городке, жизнь текла иначе — медленнее, тяжелее. Завтра снова школа, потом подработка в автомастерской у дяди Бори, чтобы помочь матери оплатить счета за отопление. А потом... потом будет гараж.

Он спрыгнул с волнореза на мокрый песок, сжал кулаки и закрыл глаза. Он попытался воспроизвести в памяти последний элемент «Пульса» — тот самый момент, когда солист команды упал на одно колено, замер на секунду, а затем взмыл вверх в нереальном прыжке, словно гравитация для него была лишь досадной помехой. Матвей повторил движение. Падение вышло неуклюжим, прыжок — жалким пародированием. Он тяжело приземлился на пятую точку прямо в холодную лужу.

— Чёрт! — выругался он, отряхивая джинсы.

Смартфон в кармане завибрировал. Сообщение от Макса: *«Ты где? Мы уже собрались»*.

Матвей посмотрел на темную воду. Волна с шипением лизнула его ботинки и откатилась назад.

«Мы», — подумал он. Макс, Лера, Кир... Соня теперь тоже с ними. Четыре совершенно разных человека, которых он собрал вместе под одной крышей старого, заброшенного ДК «Моряк». У них не было денег на аренду зала, не было спонсоров и брендовых кроссовок. У них был только этот гараж с протекающей крышей и бетонным полом с выбоинами.

Он снова вспомнил «Пульс». Их танец был похож на шторм — дикий, необузданный, но подчиняющийся внутренней логике. А что у них? У них был хаос без центра. У каждого свой стиль, свой характер и свои страхи.

Матвей шел по набережной к ДК быстрым шагом, почти бежал. Ветер толкал его в спину, словно подгоняя. Он знал дорогу с закрытыми глазами: мимо памятника рыбакам, мимо закрытой на зиму летней веранды кафе «Прибой», через арку во двор-колодец.

Дверь в пристройку со скрипом поддалась. Изнутри пахло сыростью, пылью и едва уловимым запахом машинного масла — наследство от прошлых хозяев гаража.

— О! Явился не запылится! — раздался голос Макса из темноты.

В углу тускло светила одинокая лампочка без абажура, свисавшая с потолка на голом проводе. Макс сидел на старом ящике из-под пива и методично перебирал провода колонки. Он всегда был самым практичным в их компании. Если Матвей был сердцем команды, то Макс был её мозгом и логикой.

— Я думал, ты опять зависнешь у моря до ночи, философствуя о смысле жизни, — не отрываясь от дела, добавил Макс.

— Море дает ритм, — спокойно ответил Матвей, проходя в центр круга света.

— Ага, ритм простуды. Ты же весь мокрый! Лера будет в восторге.

В этот момент дверь снова скрипнула, и в гараж проскользнула Лера. Она всегда приходила последней и уходила первой. На ней было длинное пальто явно не по погоде — попытка скрыть спортивную форму под повседневной одеждой.

— Привет всем! — её голос прозвучал слишком бодро для этого места.

— Привет! Ты как? Родители? — тут же спросил Матвей.

Лера натянуто улыбнулась:

— Всё под контролем. Сказала маме, что у нас с девочками факультатив по истории искусств допоздна. Она любит всё «интеллектуальное».

Макс хмыкнул:

— Искусство... Ну-ну.

Последними пришли Кир и Соня. Они вошли вместе, но держались на расстоянии метра друг от друга, словно два магнита с одинаковыми полюсами.

Кир был воплощением уличной стихии. В его широких штанах и толстовке с капюшоном можно было спрятать половину гаража. Он ничего не сказал, просто кивнул всем и тут же направился к своему углу, где лежал его потертый чехол с одеждой для брейка.

Соня же выглядела здесь инородным телом. Идеально ровная осанка даже сейчас, когда она просто стояла у входа. Тугой пучок волос на затылке не позволял ни одной пряди выбиться наружу. В руках она держала аккуратный рюкзачок из экокожи.

— Всем добрый вечер, — произнесла она своим безупречно поставленным голосом.

— Здорово-здорово, балерина, — буркнул Кир из своего угла, даже не повернув головы.

Матвей хлопнул в ладоши:

— Так! Все в сборе! Отлично! Давайте разогреваться и начнем с того места, где остановились вчера.

Началась привычная рутина: растяжка под недовольное ворчание Кира («Зачем мне это? Я не балет танцую»), тихое сопение Макса, который настраивал звук на своем планшете (он отвечал за музыку), и молчаливое напряжение Леры.

Матвей включил трек — жесткий бит с глубоким басом.

— Так! Кир! Покажи нам базу! Разогрев для нижних!

Кир нехотя вышел в центр круга. Он начал с простых топков — шагов из стойки стоя. Его движения были резкими, агрессивными. Он словно бил невидимого противника каждым взмахом руки или ноги.

— Соня! Ты смотришь? Твоя задача сегодня — добавить мягкости в его углы! Ты должна показать ему волну!

Соня вышла в круг напротив Кира. На ней уже были надеты лосины и простой топик. Она встала в исходную позицию так грациозно, будто находилась на сцене Большого театра перед тысячей зрителей.

— Готов? — спросила она Кира абсолютно бесстрастным тоном.

Кир лишь фыркнул:

— Давай уже быстрее закончим эту пантомиму.

Соня закрыла глаза на секунду и начала движение «волна». Она пошла от кончиков пальцев рук вверх через плечи к голове и дальше вниз по позвоночнику к бедрам и ногам. Это было завораживающе красиво — плавная, непрерывная линия движения текучей ртути.

Кир смотрел на неё с каменным лицом пару секунд, а затем попытался повторить. Вышло ужасно: его тело дергалось рывками, как у сломанного робота-пылесоса.

— Да что за...! — прорычал он и остановился.

— Ты слишком напряжен! — тут же вмешался Макс со своего места у колонок. — Расслабь плечи! Танец — это не драка!

— Для тебя — может быть! А я так привык! Это мой язык!

— Твой язык никто не понимает! Кроме таких же гопников из соседнего района! Мы хотим сделать что-то новое! Что-то... другое!

Слово взял Матвей:

— Стоп-стоп-стоп! Тихо! Кир прав отчасти. В его напряжении есть своя сила. Но Соня права тоже — нам нужна пластика. Мы должны объединить это!

Он подошел к Киру и положил руку ему на плечо:

— Слушай... Представь не драку. Представь шторм. Помнишь тот последний шторм в октябре? Как волны бились о набережную? Вот это сила! Но она не просто бьет кулаком в песок. Она обтекает камни, она меняет форму...

Кир скинул его руку:

— Я тебе что, вода? Я камень!

В гараже повисла тяжелая тишина. Было слышно только гудение электричества в лампочке и шум ветра за стеной.

Лера тихо вздохнула:

— Ребята... Может... может сделаем перерыв? Я устала...

Все посмотрели на неё. Лера стояла бледная, прислонившись к стене. Её била мелкая дрожь — то ли от холода бетонных стен гаража после улицы, то ли от нервного истощения.

Матвей мгновенно сменил гнев на милость:

— Да-да... Конечно... Макс?

Макс выключил музыку одним нажатием кнопки.

Соня молча достала из рюкзака термос и протянула Лере:

— Вот... Зеленый чай с жасмином...

Лера благодарно кивнула и приняла кружку трясущимися руками.

Кир демонстративно отошел к дальней стене гаража и сел на корточки спиной ко всем остальным.

Атмосфера была испорчена окончательно. Матвей чувствовал это физически — как тяжесть в груди. Он подошел к Макс:

— Ну что? Есть идеи?

Макс пожал плечами:

— Идеи есть только у тебя. Я лишь говорю тебе суровую правду: мы никогда не будем как «Пульс». У нас нет их техники через пять лет ежедневных тренировок с лучшими хореографами страны. У нас нет их денег на костюмы и световое шоу.

Матвей ударил кулаком по бетонной колонне рядом с головой Макса:

— Мне плевать на их костюмы! Мне плевать на технику ради техники! Я хочу сделать то же самое... по духу! Чтобы люди смотрели и забывали дышать!

Макс спокойно посмотрел ему в глаза:

— Тогда перестань заставлять Кира быть водой, а Соню быть уличной девчонкой. Заставь их быть собой вместе.

В этот момент тишину нарушил звук вибрирующего телефона у Матвея в кармане второй раз за вечер. Он достал его машинально. На экране высветилось уведомление из соцсети: «Объявлены участники фестиваля 'Импульс'!»

Сердце пропустило удар. Фестиваль «Импульс». Тот самый столичный баттл-фестиваль для молодых команд со всей страны. Шанс быть замеченным продюсерами лейбла «Main Stage». Шанс получить контракт на год вперед или грант на обучение в лучшей студии Москвы.

Они подавали заявку месяц назад по приколу, ради смеха заполнили анкету кривыми буквами Макса (он был пьян) и прикрепили видео репетиции трехнедельной давности (где они еще даже толком не знали друг друга).

Матвей открыл ссылку дрожащими пальцами. Список участников был длинным... очень длинным... Он листал вниз лихорадочно прокручивая экран...

«Танцующая Тень» (Новосибирск)

«Эффект Глитча» (Москва)

«Свободное Падение» (Екатеринбург)

«Низкий Профиль» (Санкт-Петербург)

«Свобода Ветра» (Волгоград)

«Престиж» (Вологда)

«Искры Пламени» (Архангельск)

«Мираж» (Астрахань)

«Вива-данс» (Ростов-на-Дону)

«Лидер» (Пермь)

«Факел» (Тюмень)

«Поколение» (Калининград)

«Перспектива» (Краснодар)

«Чайки» (Сочи)

«Милениум» (Саратов)

«Прорыв» (Самара)

«Пульс» (Ставрополь)

«Штиль» (Владивосток)

Стоп!

Он промотал обратно вверх до буквы «П». Там было много команд: «Поколение», «Перспектива», «Прорыв», «Пульс»...

Но их там **не было**.

Его взгляд упал ниже по алфавиту... «Р», «С», «Т», «У», «Ф», «Х», «Ц», «Ч», «Ш», «Щ», «Э», «Ю», «Я».

Их там нет.

Они **не прошли отбор**.

Телефон выскользнул из ослабевших пальцев Матвея и с глухим стуком упал на бетонный пол экраном вниз.

Звук падения эхом разнесся по гаражу в абсолютной тишине музыки Макса остановил всех раньше.

Все взгляды обратились к Матвею.

Лера перестала пить чай. Соня замерла с термосом в руках. Даже Кир медленно повернул голову от стены.

Матвей медленно наклонился и поднял телефон. Экран был цел — защитное стекло выдержало удар о бетон судьбы лучше, чем его надежды о реальность столичной тусовки.

Он посмотрел на экран еще раз просто чтобы убедиться что глаза его не обманывают после долгого дня учебы и работы но слова "Список участников" издевательски смотрели на него сверху а имени их команды там так и не появилось только пустая строка которую они сами вписали когда заполняли заявку месяц назад под диктовку пьяного Макса который говорил "да забей просто впиши что-нибудь".

Он поднял голову и посмотрел на свою команду которая ждала его реакции которая ждала новостей которые ждала того самого импульса который должен был зажечь их всех как фитиль динамита чтобы они рванули вперед к своей мечте но фитиль только что потух залитый ледяной водой реальности которая говорила им "вы никто вы провинциальный мусор вы никогда не будете танцевать там где танцуют лучшие".

Он посмотрел на Леру которая дрожала от холода но улыбалась ему пытаясь поддержать он посмотрел на Макса который уже все понял по его лицу но все равно спросил "ну что там?" он посмотрел на Соню которая ждала вердикта с вежливым интересом ученицы он посмотрел на Кира который ждал этого момента больше всех чтобы сказать "ну я же говорил это всё херня".

И Матвей закрыл глаза сделал глубокий вдох а затем выдохнул открыл их снова и улыбнулся той самой улыбкой которая всегда заставляла их верить ему даже когда верить было не

во что он поднял телефон над головой так чтобы все видели экран он нажал кнопку блокировки погасив свет дисплея а затем громко четко с той самой интонацией которую они слышали сотни раз когда репетиции затягивались до ночи когда казалось что ничего не выйдет но выходило он сказал:

"Ребята."

Все замерли еще больше если это вообще было возможно воздух стал густым как кисель "У меня для вас новости."

Лера сделала шаг вперед Соня опустила термос Макс встал с ящика Кир медленно поднялся во весь рост "Мы прошли отбор."

Тишина стала звенящей "Мы едем на 'Импульс'."

Никто не двигался секунду, две, три, а затем гараж взорвался звуками, которые никогда раньше здесь не звучали. Это был не шум моря, это был рев океана. Это был крик радости Леры, которая бросилась Матвею на шею, это был громкий победный вопль Макса, который забыл про свою обычную сдержанность, это был дикий боевой клич Кира, который подпрыгнул до самого потолка гаража, ударив рукой по ржавой балке так, что сверху посыпалась вековая пыль, это был тихий, но счастливый вздох Сони, которая впервые позволила себе улыбнуться широко, искренне, без своей обычной маски вежливости. Они обнимались, кричали, смеялись, кто-то плакал, кто-то прыгал: они были кучкой сумасшедших подростков, которые только что получили билет в другой мир, мир, где есть сцена, софиты, тысячи глаз, которые смотрят только на них, где есть шанс доказать всем, включая самих себя, что провинциальный мусор может стать золотом, если переплавить его огнем страсти.

Они забыли про холод, сырость, про то, что у них нет названия, нет нормального костюма, нет денег, они забыли про ссору между Киrom и Соней, они забыли про всё, потому что прямо сейчас, здесь в этом сыром гараже посреди промозглого октября, пульсировало единое сердце, которое билось в одном ритме с морем за стеной, которое билось так громко, что заглушало всё остальное.

Они сделали это, они поверили, они начали свой путь к покорению столицы прямо здесь, прямо сейчас: с этой секунды их жизнь уже никогда не будет прежней, потому что мечта перестала быть просто картинкой на экране смартфона, она стала осязаемой, она стала их общей целью, их общей болью, их общей радостью, она стала их будущим, которое начинается прямо сейчас, под тусклой лампочкой в старом гараже, где пахнет солью, сыростью, машинным маслом и абсолютным, безграничным счастьем, которое бывает только раз, когда ты молод, когда ты веришь, что можешь всё, когда ты стоишь плечом к плечу со своими друзьями перед лицом огромного мира, который вот-вот упадет к твоим ногам: нужно только сделать первый шаг, выйти из темноты гаража навстречу слепящему свету софитов, навстречу своему будущему, навстречу своему **импульсу**.

Часть I. Зарождение. Точка отсчёта.

Глава 1. Знакомство с командой.

Октябрь в их приморском городке — это не время для прогулок. Это время, когда море окончательно сдаётся холоду, становясь серо-стальным и неприветливым, а ветер срывает последние листья с чахлах тополей и гоняет их по мокрому асфальту, словно мусор. Это время сырости, пронизывающей до костей, и ранних сумерек, которые опускаются на город внезапно, отрезая его от остального мира. В такую погоду единственным желанием нормального человека было бы завернуться в плед с кружкой горячего чая.

Матвей так не думал. Для него этот промозглый вечер был лишь досадной помехой на пути к чему-то гораздо более важному. Он стоял под козырьком подъезда своего дома, ежась от ветра и поглядывая на часы. Половина шестого. Он опаздывал уже на пятнадцать минут. Опаздывать было нельзя. Сегодня — первая полноценная репетиция.

Он поправил лямку тяжелого рюкзака, в котором лежали потрёпанные кеды и портативная колонка, и быстрым шагом направился в сторону заброшенного ДК. Район был знаком ему

до последнего кирпича — здесь он вырос, здесь знал каждую подворотню, позволявшую срезать путь через лабиринт старых пятиэтажек. Он петлял по дворам-колодцам, перепрыгивая через лужи и стараясь не вляпаться в грязь. В голове стучала одна мысль: «Только бы пришли все».

Идея собрать команду родилась спонтанно, как вспышка молнии во время того самого шторма, о котором он так любил думать. Он видел слишком много видео из столицы, слишком много идеальных выступлений, где десятки танцоров двигались как единый организм. Он хотел так же. Но здесь, в их городе, танцевальная тусовка представляла собой разрозненные группки: уличные брейкеры у памятника Ленину, девочки из балетной студии у Дома Культуры и редкие энтузиасты хип-хопа в парках. Матвей решил объединить их всех.

Найти контакты было несложно — социальные сети стерли границы. Сложнее было уговорить их прийти в одно место в одно время. Макс согласился сразу — ему было скучно, а идея казалась забавным приключением. Лера долго сомневалась, но любопытство пересилило страх перед родителями. Кир просто послал его на три буквы в первом сообщении, но потом неожиданно согласился («Просто чтобы посмотреть на этих балерин»). Соня была самой сложной: она долго изучала его профиль, прежде чем написать сухое «Я приду. Но я ничего не обещаю».

Матвей свернул в последний проходной двор и вышел к тыльной стороне ДК. Здание выглядело мрачно и величественно одновременно: облупившаяся лепнина на фасаде, темные провалы выбитых окон верхних этажей и вечный запах сырости и прелых листьев. Он обогнул здание и зашел во внутренний двор-колодец. Здесь было еще темнее.

Сбоку от основного корпуса находилась пристройка — бывший гараж для служебного транспорта ДК. Дверь была приоткрыта. Изнутри пробивалась тонкая полоска тусклого желтого света.

Матвей глубоко вдохнул влажный воздух и толкнул дверь.

Внутри пахло пылью, застарелой сыростью и чем-то техническим — машинным маслом или ржавчиной. Помещение было небольшим: метров двадцать квадратных, с низким бетонным потолком, по которому змеились ржавые трубы и провода. В центре стоял один-единственный источник света — лампочка без абажура, свисавшая с потолка на голом проводе. Она раскачивалась от сквозняка, заставляя тени на стенах плясать жуткий танец.

У дальней стены, прислонившись к ней спиной и скрестив руки на груди, стоял **Кир**. Он был одет в широченные штаны-трубы и толстовку с глубоким капюшоном, надвинутым так низко, что лица почти не было видно. Он молча кивнул Матвею в знак приветствия.

Рядом с ним, но сохраняя дистанцию в добрых полтора метра, стояла **Соня**. Она выглядела здесь абсолютно инородным телом. Идеально ровная осанка даже сейчас, когда она просто стояла у стены. На ней были простые черные лосины и обтягивающая майка, но даже эта простая одежда сидела на ней так, словно это был сценический костюм от кутюр. Волосы были собраны в тугий, безупречный пучок на затылке.

В противоположном углу на перевернутом ящике из-под пива сидел **Макс**. Перед ним на другом ящике лежал его планшет и портативная колонка. Он был занят тем, что методично тыкал пальцем в экран, хмуря брови.

— Привет всем! — голос Матвея прозвучал неожиданно громко в этой тишине.

Макс оторвался от экрана:

— О! Явился не запылится! Я уж думал, ты опять зависнешь у моря до ночи, философствуя о смысле жизни.

— Море дает ритм, — спокойно ответил Матвей, проходя в центр круга света под лампочкой.

— Ага, ритм простуды. Ты же весь мокрый! Лера будет в восторге от твоего чиха во время поддержки.

В этот момент дверь снова скрипнула, впуская порыв холодного ветра и **Леру**. Она проскользнула внутрь быстро и бесшумно, словно тень. На ней было длинное осеннее пальто явно не по погоде — тяжелая попытка скрыть спортивную форму под повседневной одеждой.

— Привет всем! — её голос прозвучал слишком бодро для этого места.

Матвей тут же подошел к ней:

— Привет! Ты как? Родители?

Лера натянуто улыбнулась:

— Всё под контролем. Сказала маме, что у нас с девочками факультатив по истории искусств допоздна. Она любит всё «интеллектуальное».

Макс хмыкнул из своего угла:

— Искусство... Ну-ну.

Матвей хлопнул в ладоши, привлекая внимание:

— Так! Рад всех видеть! Давайте разогреваться и начнем с того места, где остановились вчера... эм... теоретически.

Началась привычная рутина. Соня тут же отошла к свободному пятачку у стены и начала классическую балетную растяжку — плавную, выверенную до миллиметра. Кир даже не шелохнулся.

— Кир? Покажи нам базу! Разогрев для нижних! — скомандовал Матвей.

Кир нехотя отлепился от стены. Он вышел в центр круга света — единственное освещенное место в гараже — и начал с простых топпроков (базовых шагов брейк-данса). Его движения

были резкими, рублеными, агрессивными. Он не танцевал — он дрался с невидимым противником каждым взмахом руки или ноги. Это была чистая механика силы.

— Соня! Ты смотришь? Твоя задача сегодня — добавить мягкости в его углы! Ты должна показать ему волну! — крикнул Матвей.

Соня молча вышла из своего угла в круг напротив Кира. Она встала в исходную позицию так грациозно, будто находилась на сцене Большого театра перед тысячей зрителей.

— Готов? — спросила она Кира абсолютно бесстрастным тоном.

Кир лишь фыркнул:

— Давай уже быстрее закончим эту пантомиму.

Соня закрыла глаза на секунду и начала движение «волна». Она пошла от кончиков пальцев рук вверх через плечи к голове и дальше вниз по позвоночнику к бедрам и ногам. Это было завораживающе красиво — плавная, непрерывная линия движения текучей ртути.

Кир смотрел на неё с каменным лицом пару секунд, а затем попытался повторить. Вышло ужасно: его тело дергалось рывками, как у сломанного робота-пылесоса или марионетки с оборванными нитями.

— Да что за...! — прорычал он и остановился.

— Ты слишком напряжен! — тут же вмешался Макс со своего места у колонок. — Расслабь плечи! Танец — это не драка!

— Для тебя — может быть! А я так привык! Это мой язык!

Слово взял Матвей:

— Стоп-стоп-стоп! Тихо! Кир прав отчасти. В его напряжении есть своя сила. Но Соня права тоже — нам нужна пластика. Мы должны объединить это!

Он подошел к Киру вплотную и положил руку ему на плечо:

— Слушай... Представь не драку. Представь шторм. Помнишь тот последний шторм в октябре? Как волны бились о набережную? Вот это сила! Но она не просто бьет кулаком в песок. Она обтекает камни, она меняет форму...

Кир резко скинул его руку со своего плеча:

— Я тебе что, вода? Я камень!

В гараже повисла тяжелая тишина. Было слышно только гудение электричества в лампочке да шум ветра за стеной.

Лера тихо вздохнула:

— Ребята... Может... может сделаем перерыв? Я устала...

Все взгляды обратились к ней. Лера стояла бледная как полотно, прислонившись к стене рядом с Соней. Её заметно била мелкая дрожь — то ли от холода бетонных стен гаража после улицы, то ли от нервного истощения после тяжелого дня дома.

Матвей мгновенно сменил гнев на милость:

— Да-да... Конечно... Макс?

Макс выключил музыку одним нажатием кнопки на планшете.

Соня молча достала из своего аккуратного рюкзака термос и протянула Лере:

— Вот... Зеленый чай с жасмином...

Лера благодарно кивнула и приняла кружку трясущимися руками.

Кир демонстративно отошел к дальней стене гаража и сел на корточки спиной ко всем остальным.

Атмосфера была испорчена окончательно. Матвей чувствовал это физически — как тяжесть в груди и комок в горле от бессильной злости. Он подошел к Макс:

— Ну что? Есть идеи?

Макс пожал плечами:

— Идеи есть только у тебя. Я лишь говорю тебе суровую правду: мы никогда не будем как те ребята из столицы. У нас нет их техники через пять лет ежедневных тренировок с лучшими хореографами страны. У нас нет их денег на костюмы и световое шоу.

Матвей ударил кулаком по бетонной колонне рядом с головой Макса:

— Мне плевать на их костюмы! Мне плевать на технику ради техники! Я хочу сделать то же самое... по духу! Чтобы люди смотрели и забывали дышать!

Макс спокойно посмотрел ему в глаза:

— Тогда перестань заставлять Кира быть водой, а Соню быть уличной девчонкой. Заставь их быть собой вместе.

Матвей посмотрел на свою команду: Соня пьет чай из термоса; Лера греет руки о кружку; Кир сидит неподвижной тенью у стены; Макс смотрит на него с холодным реализмом программиста; а он сам стоит посреди этого хаоса людей и стилей с мечтой о сцене размером со вселенную.

Он закрыл глаза и выдохнул пар в холодный воздух гаража.

«Мы не команда», — подумал он. «Мы просто пять неудачников в грязном подвале».

Он открыл глаза и посмотрел на лампочку над головой.

«Но мы можем ею стать».

Он снова хлопнул в ладоши, но уже тише:

— Так... Ладно. Макс, включи что-нибудь... эм... ломаное? Что-то без четкого квадрата?

Макс удивленно поднял бровь (он всегда ставил четкий бит), но промолчал и начал листать плейлисты.

Включился трек — мрачный трип-хоп с рваным ритмом и глубоким басом.

Матвей вышел в центр круга света один.

Он закрыл глаза и позволил музыке заполнить его голову. Ритм был рваным, непредсказуемым. Он не вел за собой — он бросал вызов.

Матвей начал двигаться не сразу. Сначала он просто качнулся вперед-назад, ловя этот рваный пульс своим телом. Затем его плечи дернулись вперед резким движением хип-хопа (стиль Макса). Затем его торс плавно перетек назад волной (стиль Сони). Затем он упал на одно колено (классическая база) и замер на секунду (стиль Леры), чувствуя напряжение мышц (стиль Кира).

Он открыл глаза.

Команда смотрела на него молча.

Он не делал ничего сверхъестественного или сложного по отдельности. Но вместе эти движения создавали странную, дерганую, но завораживающую картину человека, который пытается найти равновесие внутри самого себя под гнетом хаотичного мира вокруг него (музыки).

Музыка закончилась куплетом без бита — осталась только тягучая басовая линия и какой-то странный электронный гул.

Матвей замер в финальной позе: одна рука вытянута вперед ладонью вверх (как бы принимающая вызов), вторая лежит на груди (как бы сдерживая сердце).

Тишина длилась несколько секунд.

А потом Кир медленно поднялся со своего места у стены. Он ничего не сказал. Он просто вышел в центр круга вместо Матвея и встал рядом с ним плечом к плечу.

Кир не стал повторять движения Матвея или делать свои фирменные фриззы из брейка. Он просто стоял рядом с ним абсолютно неподвижно — каменное изваяние рядом с живым человеком из плоти и крови (стиль Леры). Контраст был разительным: дерганое движение против абсолютного покоя.

Это длилось всего несколько секунд до следующего музыкального сбоя ритма, но этого хватило всем присутствующим понять главное: они увидели это впервые не как набор чужих движений из интернета или учебников хореографии, а как *свой* язык тела.

Макс присвистнул:

— А вот это уже интересно...

Соня опустила термос и сделала шаг вперед:

— Если добавить сюда переход через *grand battement* вот отсюда... — она показала рукой траекторию прыжка из угла круга к центру...

Лера допила чай одним глотком:

— ...и выйти из него вот таким падением корпуса вниз... чтобы передать отчаяние...

Они стояли теперь все вместе под этой одинокой лампочкой: Матвей со своей идеей синтеза стилей; Кир со своей уличной мощью; Соня со своей академической точностью; Лера со своей эмоциональной глубиной; Макс со своим чувством ритма как невидимого шестого участника команды.

Они еще не были единым целым. Они все еще были пятью разными людьми со своими страхами: страхом родителей Леры; страхом травмы Сони; страхом нищеты Матвея; страхом непонимания Макса; страхом быть отвергнутым «системой» Кира...

Но сейчас они стояли плечом к плечу под рваный бит трип-хопа из старой колонки Макса посреди заброшенного гаража приморского города ДК «Моряк». И это была их первая настоящая точка отсчета.

Подглава 1.1. Пять стихий: Истории, страхи и мотивация.

Их было пятеро. Пять совершенно разных людей, чьи пути никогда не должны были пересечься в одной точке, если бы не отчаянная, почти безумная мечта одного из них. В старом гараже заброшенного ДК «Моряк» они были просто силуэтами в тусклом свете лампочки Ильича. Но за каждым из этих силуэтов стояла целая вселенная, сотканная из боли, надежд и тайн.

Матвей: Архитектор хаоса

Личность: Харизматичный идеалист с глазами цвета штормового моря. Он — «сердце» команды, её движущая сила и вечный двигатель. Упрямый до невозможности, но обладающий редким даром убеждения: он умеет заставить людей поверить в то, во что верит сам. Его танец — это не просто набор движений, это попытка упорядочить хаос мира и выразить то, для чего не хватает слов.

Личная история: Матвей вырос в мире, где нужно было быть сильным не физически, а морально. Его мать, медсестра с руками, огрубевшими от бесконечной стирки и дезинфекции,

работала на двух работах, чтобы прокормить их маленькую семью. Отец исчез из их жизни так давно, что Матвей его даже не помнил — лишь выцветшая фотография в рамке на полке. Он рано повзрослел, научившись готовить нехитрый ужин и делать уроки при свете старой настольной лампы, пока мать спала мертвецким сном после смены. Танцы стали для него не просто хобби. Это был способ сбежать из серой реальности панельных домов, способ доказать — в первую очередь самому себе — что он способен на большее, чем просто выживать. Он был самоучкой: часами стоял перед зеркалом в прихожей или отрабатывал элементы на мокром песке пляжа, пересматривая сотни видео из столицы.

Страхи:

1. Страх провала. Это его главный кошмар. Не просто проиграть на баттле, а увидеть разочарование в глазах команды, когда они поймут, что его видение было пустышкой. Он боится подвести тех, кто ему поверил.

2. Страх потерять контроль. Матвей привык всё контролировать: свою жизнь, учёбу, работу в автомастерской. Танец — это единственное место, где он позволяет себе отпустить вожжи. Но когда что-то идёт не по плану (Кир спорит, Лера устала), он паникует, чувствуя, как рушится его тщательно выстроенный мир.

Мотивация: Создать что-то настоящее. Он хочет доказать не только миру, но и самому себе, что талант и страсть могут победить отсутствие денег и связей. Его цель — не просто победа на «Импульсе». Его цель — создать новый танцевальный язык, который будет понятен без слов, язык «Пульса Моря», который он видел в столичных видео.

Лера: Хрупкая душа

Личность: Чувствительная и ранимая натура с глазами оленёнка Бэмби. В танце она выражает то, что не может сказать словами: боль, радость, тоску. Её контемпорари — это чистая эмоция, вывернутая наизнанку душа. Вне сцены она носит маску «идеальной дочери» и отличницы-гимназистки.

Личная история: Лера жила в золотой клетке. Её родители — уважаемые люди: отец — суровый адвокат, мать — владелица сети салонов красоты. Для них будущее дочери было расписано по минутам: престижный вуз, выгодный брак, светские рауты. Танцы для них были «несерьёзным детским увлечением», которое нужно было давно бросить ради подготовки к ЕГЭ по обществознанию. Лера тайно посещала студию современного танца три года, пряча форму в рюкзаке и придумывая всё более изощрённые отговорки («факультатив по истории искусств», «репетитор по химии»). Она жила в постоянном страхе разоблачения.

Страхи:

1. Страх разочаровать родителей. Мысль о том, что она станет «позором семьи», парализует её сильнее любого физического недуга. Она боится их гнева и того, что они отберут у неё единственную возможность быть собой.

2. Страх эмоциональной уязвимости. Она боится открыться даже своим друзьям по команде (особенно Матвею), чтобы не показаться слабой или навязчивой.

Мотивация: Найти свой голос и право на собственный выбор. Она танцует не ради славы или денег. Она танцует, чтобы почувствовать себя живой и настоящей, а не просто функцией в плане родителей или красивой куклой Лерочкой с хорошими оценками. Для неё танец — это терапия, единственный способ выжить в стерильном мире родительских ожиданий.

Макс: Голос разума

Личность: Прагматик до мозга костей и «голос разума» команды. Лучший друг Матвея с детства. Он отвечает за базу, структуру номера и музыку. Надёжный, как скала, но иногда излишне осторожный и скептический. Если Матвей — сердце, то Макс — мозг.

Личная история: Его отец был когда-то подающим надежды танцором брейк-данса в 90-е. Но карьера закончилась внезапно и болезненно — разрыв связок на одном из баттлов поставил крест на мечтах. Отец так и не смог смириться с этим крахом и теперь работает прорабом на стройке, постоянно напоминая сыну о том, как жесток мир шоу-бизнеса. Макс вырос на историях о сломанных судьбах и нереализованных амбициях. Он знает цену деньгам и стабильности.

Страхи:

1. Страх нестабильности. Идея бросить всё ради эфемерной мечты кажется ему безумием. Он боится остаться ни с чем у разбитого корыта.

2. Страх повторить судьбу отца. Он подсознательно боится, что погоня за мечтой приведёт к такому же болезненному краху и разочарованию.

Мотивация: Обеспечить безопасность себе и своим друзьям (в первую очередь Матвею). Его желание победить продиктовано не жадностью славы или признания толпы (как у многих), а желанием получить тот самый контракт или грант от лейбла «Main Stage», который даст

им финансовую стабильность и легальный статус. Он хочет доказать отцу (и себе), что можно быть успешным танцором без саморазрушения.

Кир: Каменная глыба

Личность: Бунтарь с золотым сердцем, скрытым за толстым слоем уличной брони. На первый взгляд кажется грубым, закрытым и агрессивным («уличный пацан»). На самом деле за этой маской скрывается глубокая преданность тем немногим людям, которых он считает своими.

Личная история: Кир вырос на улице в самом неблагополучном районе города. Его детство прошло в драках за территорию у школы и попытках выжить там, где правит закон силы. Танцы спасли его от плохой компании и тюрьмы. Брейк-данс стал для него способом выплеснуть агрессию конструктивно, а не на чьём-то лице. Он не верит в правила школы, этикет или формальности. Для него есть только одно правило: если ты свой — ты свой навсегда.

Страхи:

1. Страх предательства. Из-за прошлого опыта ему трудно доверять людям полностью. Он постоянно ждёт (и подсознательно ищет) подвох, боясь, что его бросят или используют.

2. Страх сцены (парадоксальный). Несмотря на свою дерзость на улице перед друзьями-брейкерами (так называемый *супер*), он панически боится выступать перед жюри по

строгим правилам баттла или большой аудиторией в зале. Это зона правил, а правила он ненавидит.

Мотивация: Доказать свою ценность (в первую очередь самому себе). Для него команда — это первая настоящая семья за долгое время (после ухода отца из семьи). Он хочет показать всем (и себе), что он не просто «гопник с района», а артист со своим уникальным стилем и глубоким пониманием танца как борьбы с гравитацией.

Соня: Академический перфекционист

Личность: Новичок в команде (на момент их знакомства). Внимательная к деталям, дисциплинированная до зубовного скрежета и техничная до невозможности. Изначально кажется немного отстранённой и высокомерной из-за своего классического образования.

Личная история: Соня была подающей надежды балериной в местной школе искусств имени Чайковского. Её путь был выстлан красными дипломами и первыми местами на конкурсах области. Но идеальная картинка дала трещину: либо выгорание от жесткого прессинга классического балета (где нет места для самовыражения), либо старая травма лодыжки дала о себе знать при увеличении нагрузок. Она поняла, что умирает внутри этой «золотой клетки» академизма. Она искала свободу в уличных танцах, но её тело было заточено под другие движения.

Страхи:

1. Страх травмы. Физический страх снова повредить связки или спину при выполнении резких элементов хип-хопа или брейка.

2. Страх не вписаться. Она боится выглядеть нелепо со своей академической выучкой среди уличных танцоров команды («Клоун-балерина пришла!»). Она боится осуждения со стороны Кира больше всего.

Мотивация: Найти свободу в танце после долгих лет муштры. Она пришла в команду не за славой или победой (она уже всё это видела). Она пришла за возможностью танцевать так, как чувствует она сама — смешивая безупречную технику балета с эмоциональной подачей уличных стилей («фьюжн»). Её задача — соединить два мира: холодный академизм и горячую уличную душу.

Так они и стояли тогда в гараже: Матвей со своей мечтой об идеальном танце; Лера со своим страхом перед родителями; Макс со своей боязнью нищеты; Кир со своей травмой недоверия к миру; Соня со своим страхом сломаться физически или быть отвергнутой стилистически.

Они были пятью разными стихиями: огнём страсти Матвея, водой эмоций Леры, землёй прагматизма Макса, камнем упрямства Кира и воздухом академизма Сони.

И всё их дальнейшее существование зависело от того, смогут ли эти пять стихий перестать конфликтовать и научиться биться в едином ритме одного сердца под рваный бит трип-хопа Макса под тусклым светом лампочки Ильича.

Глава 2. Формирование цели.

Тишина, повисшая в гараже после импровизации Матвея и ответного жеста Кира, была густой и осязаемой. Она пахла пылью, сыростью и чем-то новым — запахом озона после грозы, предчувствием чего-то большого. Это была не та тишина, что следует за ссорой, а та, что наступает в момент, когда шестеренки сложного механизма наконец-то находят друг друга и начинают вращаться в одном направлении.

Макс первым нарушил это хрупкое равновесие. Он оторвался от планшета, на котором, оказывается, все это время тайком снимал их на видео, и присвистнул.

— А вот это уже контент, — сказал он, не отрывая взгляда от экрана. — Если бы я выложил это в сеть с правильным хэштегом, нас бы уже завтра разорвало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.